

Золотухин Валерий

42 года в одном театре. Театре конфликтов, интриг, расколов. Иных уж нет, а те далекие. Он — на месте. На своем, законном. Настоящий домовый Таганки, по меткому выражению Любимова.

— Да, иногда даже ночью здесь, — проходим в примерную Золотухина. — Правда, чаще это бывало в молодые годы — сейчас у меня ведь дом рядом...

— **Но здесь же голые стены — для жизни ничего нет.**

— Почему? Здесь есть чайник, есть мед, здесь есть кофе, сахар. (Открывает ящик стола.) Здесь есть зубная щетка, бритва. Умывальник. Диванчик в конце концов.

— **И все равно какое-то необжитое помещение. Где фотографии памятные, где плед, настольная книжка?..**

— А вы хотите, чтобы я все свое добро тут развесил? Но я тут не один — когда-то мы сидели в этой примерной вчетвером, стояло четыре стола. Сейчас два. Здесь, на вашем месте, сидит замечательный артист Шаповалов. Ну а если вы хотите узнать, где живет домовый Таганки, могу показать...

Иду за Золотухиным практически след в след: заблудиться в лабиринте Таганки — проще простого. Проходим несколько коридоров: одна дверь, вторая... А вот и потайная — под лестницей. Валерий Сергеевич извлекает из кармана связку ключей...

— **А это не опасно?** — прорезь света обнажает низенький нависший потолок тесной комнаты. Неосторожный шаг — и высоченная стопка книг, шелестя, осыпается на пол.

— Это, знаете, как сундуки Скупого рыцаря, я захожу сюда, воздухом этим дышу. Здесь мои диски, книги — вся история Таганки. Вот видишь: “Валерию, дорогому, Домовому театру”.

— **Ага, диплом домового от Любимова, значит, имеется.**

— А вот вообще замечательный автограф, — Домовой щурится, вглядываясь в надписи под карандашным портретом актера Золотухина. — “Валерий, а помнишь, когда наши дороги скрестились, я рисовал Владимира, и Володя сказал: “Вот кого рисовать надо — большой артист будет”. Это Вадим Елин, когда-то он сделал великолепный профиль Высоцкого...

— Я там скрываюсь иногда, — осмотрев свои владения, Золотухин запирает скрытую от посторонних глаз (говорят, здесь не ступала нога даже самого Любимова) комнату. Из “чулана” Домового возвращаемся в примерную артиста.

— Во-первых, там всегда прохладно. Там можно побыть одному — никто не заглянет. Читаю там, записываю, просто сижу, когда важно перевести дух. Иногда и помолиться можно...

— **Валерий Сергеевич, за 42 года у вас были конфликты с Любимовым: такие, чтоб не на жизнь, а на смерть?**

— Конфликты были, без них нельзя. Из-за съемок, из-за срывов спектакля, из-за отказа репетировать. Но так, чтобы разругаться вдрызг, — нет, такого не было. Тут надо еще иметь в виду мой характер, я по гороскопу Близнец. Когда Высоцкий заполнял анкету, на вопрос “кто твой друг?” ответил: Золотухин, о лучших качествах друга он написал: ненавязчивость и мудрость... Сейчас вам приведу пример такой. Меня очень сильно обидели на Алтае. Я приехал на открытие рудника, а, видимо, губернатор счел мое появление там не по протоколу. Помощник его сказал, что присутствие Золотухина неуместно. На что я ответил, что мне неуместно срать с ним под одним кустом, с этим чиновником...

— **Все из-за дружбы с Евдокимовым?**

— Не совсем так, но рудник был приобретен при Евдокимове теми инвесторами, которые собирались построить мне театр в Барнауле. А эти инвесторы новому губернатору не нравятся. Но дело даже не в этом... Я уже появился на руднике, и вдруг губернатор дает команду: чтоб я его тут не видел. Ко мне подходят охранники... Но спрятать Золотухина невозможно. Охранникам кричат в радио: уберите Золотухина! Я говорю: “Золотухин слышит и не подчиняется!” Такого унижения я за свою жизнь не испытывал. 23-го я лечу в Барнаул — отмечать свой день рождения в театре и играть “Анну Снегину”. Вот думаю: приглашать или не приглашать обидчика? Ну а что мне, собственно говоря, от него надо? Зачем мне он нужен? А сегодня утром открываю церковный календарь и одну цитату из него переписываю в свой дневник. “При напраслиных оскорблениях и напаках не обращай внимания на то, насколько не правы причинившие их тебе... Вернись, что Бог всегда праведен и милостив, веруй и в настоящем случае — он проявляет правду и милость, хотя и не понимаешь как”. Преподобный Петр Дамаскин. И я звоню в Барнаул и говорю: “Пригласить губернатора на день рождения...”

С чего мы начали — про мудрость говорили. Когда анализирую ссоры с Любимовым, я размышляю, я разговариваю с самим собой, с ним разговариваю. Через бумагу, через свой дневник. И прихожу к выводу, что надо смирить гор-

Иногда кажется, его жизнь — вечная лаборатория. Он ученый-экспериментатор. Он же и подопытный. Цель изучения — люди, какие они есть. Его правда — отличная мишень для моралистов. Их отдушина, возможность на низком примере ощутить собственное величие. А Золотухин еще как нарочно подставляется. Сам себя бичует, будто это доставляет ему мазохистское удовольствие.

Репетировать Гамлета при живом Высоцком — да как он мог! Писать о великой дружбе после его ухода — верх кощунства! Не встать на защиту опального Любимова — предательство! Родить ребенка на стороне, не скрывать порочной связи — и после этого он смеет говорить о Боге! Какой он плохой. Какие мы хорошие. 65-летний профессор Таганки рассматривает жизнь насекомых в лупу — опыт удался.

дость. Актерская профессия такая, что виноват всегда ты. Значит, твой дар в данный момент не соответствовал требованиям режиссера. Если будешь качать права, говорить: он меня не понимает — завтра останешься в росте. Это путь гибельный. Ты проанализируй: хочет ли он, чтобы ты провалился, хочет, чтобы ты плохо играл?..

■ ■ ■

— **Как мудрый человек, скажите: таганковцы виноваты в смерти Эфроса?**

— Чепуха полная, абсолютно. Это толпа придумывает — кто знает историю конфликта, так не говорит. Потому что сначала Эфрос разругался с актерами на Бронной: его ученики его же и выжили, и конфликт главный состоялся там. Таганка была потом...

— **Но актеры — сукины дети?**

— Сукины дети. Отчасти, безусловно. Конечно, у Эфроса были не самые лучшие отношения с некоторой частью труппы. Многие приняли его в штыки — тем самым решили показать лояльность Любимову. С моей точки зрения, глупость. Любимова надо было поддерживать на сцене, а не митинговать и уходить в другие театры. Здесь оставался репертуар Любимова. Который, кстати, восстановил Эфрос. Я такой был Шуйский — с белым флагом ходил от одной группы к другой. Может, это и относилось к мудрости, бог его знает. Во всяком случае, история рассудила в мою пользу. Потому что, вернувшись, они стали уже работать против Любимова. Моя логика другая: есть начальник и есть подчиненный, есть хозяин и есть работник. Если тебе не нравится у хозяина — уходи, а не поднимай на него вилы. И не дели то, что тебе не принадлежит. Театр создан Любимовым. Под архитектурным проектом здания, которое отобрал Губенко — подписи Любимова.

— **Бортник говорил: Золотухин оправдывает субординацией свое согласие играть Гамлета при живом Высоцком. Сам же Бортник отказался от роли друга...**

— Не знаю, что было с Бортником, я приказа о назначении на роль Бортника не видел. Я видел

Валерий ЗОЛОТУХИН: “Когда говорю, что счастлив, я убеждаю себя в этом”

СЫН ОШИБОК ТРУДНЫХ

только приказ о назначении Золотухина.

— **Перед вами часто стоял вопрос: быть или не быть?**

— Конечно. Меня Любимов заставлял играть Маскера — я отказался. В силу этических причин, потому что я был неудобен Нине Шацкой, моей первой жене, которая играла Маргариту. Любимов настаивал, чтобы я играл Разумихина в “Преступлении и наказании”...

— **Почему же не отказались от Гамлета? Наверняка же знали, что многие в труппе от вас отвернутся?**

— Тогда этот вопрос вообще не стоял! Это потом все, это сейчас! Труппа приветствовала! Ты не представляешь, что бы было, если б сейчас на роль Золотухина кого-то назначили. Труппа всегда хочет поражения лидера. Ты не забывай психологию актерскую. Назначили Золотухина — аплодисменты: вот Высоцкому вставят. Это уже после смерти Володи началось: а-а-а, вот оно что! Мне один человек сказал: “Валерий, да что они говорят? С этих испорченных отношений?”.. Если Высоцкий за три месяца до смерти у меня занимает две с половиной тысячи рублей. И когда в Калининграде, на одном из последних своих концертов, он говорил: “Если я не смогу — пришлю Золотухина”. Значит, отношения-то сохранились.

— **Теперь ваши коллеги говорят: приказ приказом, но есть вещи, через которые переступать нельзя.**

— Да не надо путать! Есть еще и трусость актерская. “Я не буду играть, потому что я хороший друг”. А он просто бдит играть, и все! И потом, Любимову нужен был дисциплинарный трюк, что было Володю ошестепенить. Ведь, назначив меня Гамлетом, Любимов поменял весь состав: Лаэрта, Гертруды, Полония...

— **И такие санкции действовали?**

— Конечно, действовали. Его обида и значила то, что это действовало... Да, Высоцкий высказал мне свою обиду, сказав: “Я бы так не смог”. Но дело еще в том, что Володя обладал колоссальным даром дружбы. Которым я не обладал, у меня этого нет. И он искренне не понимал: как друг может согласиться репетировать его лучшую роль. А я не понимал, как может друг обижаться на это. Один замечательный писатель Щеглов-Варшавин сказал: “Да вы что, сдурели? Один встает в позу, другой мучается. Да ты сказал бы ему: вези ящик “Мартеля” из Парижа — играть не буду...” Как будто Гамлет дается вот так запросто: ты, мол, не попробуешь сыграть? Это же роль вершинного репертуара, друго-

ЮБИЛЕЙ

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАСОВ

С Высоцким и Ниной Шацкой.

В 63 года Золотухин снова стал молодым отцом.

ло благополучно: у него жена Марина, у него слава, у него деньги. Чего лезть к нему со своими проблемами? Я как раз никогда ни к кому и не лез. И мне же это ставят в вину...

— **Вы действительно не были в гостях у Высоцкого?**

— Был. Но когда он снимал квартиру. А после — да, не был. Но зачем? Я же не был его собутыльником, у меня другие отношения с ним были. Вот смотрите: 79-й год. Через год его не будет. Он приходит ко мне на съемку, где я со Смоктуновским, с которым у меня не совсем завязались отношения. Приходит — ни слова не говоря ни Швейцеру, никому. И слушает, как я играю Моцарта. А потом говорит: “Не надо, не играй молодого идиота Смоктуновского (а мы же все подражали молодому Смоктуновскому — вольно или невольно) — играй молодого Пушкина”. Ну, психологи: если не друг, то кто? Кто придет болеть за своего?! Смотреть из-за декорации, слушать, как ты играешь?

— **Почему же Высоцкий вас до сих пор не отпускает? Зачем все время доказывать, что он был вашим другом?**

— Да ничего я не доказываю. И не оправдываюсь. Оправдывается тот, кто чувствует себя виноватым. Я-то не виноват. Все эти разговоры — кто кого подсиживал — унижают имя самого Высоцкого, он не опускался до таких разговоров. И мне приходится доказывать людям, может, и напрасно, что это не так.

— **“Ты кладешь Высоцкого, как хочешь. Даже жалко его становится...” “Я вижу в Бирюкове только Золотухина... Какие могут быть сравнения с Высоцким...” И, наконец, слова Высоцкого: “Валерий, ты гениальный артист”. Ваши дневники невольно на-**

размножили и в трех местах театра прилепили клеевой краской — его просто снять нельзя было. И посторонние люди столбенели: что это такое? Они поняли ничего не могли: с какой стати, зачем?... И я ведь не сразу ему ответил, я долго ждал, что он одумается. Знаете, бывает так — спяну накатает чего-нибудь, прилепит, а потом думает: что я наделал, Валера, извини. Я долго ждал...

— **Но какова природа этой любви? Это же не единственный случай.**

— Я не буду отвечать на этот вопрос. Здесь, наверное, каждый должен думать сам... Ну как вы думаете: например, появление Ваньки... Вот есть красавица Линдт. Есть Золотухин. Который женат, который не скрывает... И как он, подлец, говорит о Боге? Ведь это удобная мишень. А вы говорите: откуда и почему эта нелюбовь. Так же и у Лени Филатова. Он, имея горячий характер, вдруг набрасывался на Эфроса. Зачем? С какой стати он называет его пархатым, импотентом? Публично! С таким же запалом он обрушился потом на Любимова. О чем это говорит? Об уме?

■ ■ ■

— **Валерий Сергеевич, а сыновья поняли вас?**

— Думаю, что да. Потому что, во-первых, они все были на Ванькином крещении. Какая-то ревность была. Но Сережа, например, мне понравилось, как он ответил: “Ну что: три — это больше, чем два. У меня был старший брат, теперь есть и младший”. У нас в доме цветок растет — ванька мокрый (научное название — бальзамин), его любил очень мой отец. А Сережа — он такой у нас садовод-любитель — оторвал один цветок, пророслил его — и подарил Ваньке. Теперь у Ваньки есть цветок ванька мокрый.

— **У Сережи нет обиды за маму?**

— Нет. То есть он ее не высказывает. Чисто теоретически — не может не быть. Допустим, если ему попадается какая-то информация обо мне с Ириной, он говорит: маме не показывай. Бережет ее. В отличие от других, которые звонят тут же и докладывают: дескать, там появился со своей девкой.

— **Это счастье, наверное, что он такой тактичный?**

— Конечно. Я ему сказал тогда: “Сынок, ты меня прости, у меня такая ситуация, будут говорить разное...” Он говорит: “Папа, а сколько плюсов”. Сколько плюсов!

— **Плюсов для него или для вас?**

— Плюсов, что у меня родился сын. В 63 года.

— **А как Денис, старший, отреагировал? Он священник, отец пятерых детей...**

— Он почитает отца своего и мать свою. Я у него не спрашивал ни благословения, ни разрешения. Я живу так, как считаю нужным и возможным. Все мои дети рождены в любви... А потом, что бы ни говорили вокруг и ни болтали, во-первых, родится ли ребенок, решает мама. Она идет на этот поступок. И она велика — в данном случае Ирина. Она дает жизнь дитяте, она берет на себя эту ответственность, а задача отца уже — заботиться о нем, о них...

— **Вы по-прежнему говорите, что человек женатый, а Ирина — любимая женщина?**

— А что мне говорить? Лучше лукавить, скрывать? Да, я женатый. И у меня есть любимая женщина, которая родила мне сына. И я думаю, про это надо перестать говорить. Ну ясное же дело! Ведь когда Ирина решалась на это, она не требовала развода. Не стояла и сейчас не стоит этот вопрос. И Тамара не ставила этот вопрос. Она, может, думала, что я уйду. Но я же сказал, что не уйду. Шучу по этому поводу, что у меня мусульманский вектор при православной государственности. И это бесит многих...

— **Извините, конечно, Валерий Сергеевич, вы не считаете, что мучаете и Тамару, и Ирину?**

— Считаю. Но давайте мы порассуждаем: а как было бы лучше? С моей точки зрения, я поступаю как лучше. Я ничего не скрываю: Тамара знает, где я нахожусь, и Ирина знает. У меня два дома, да. И я считаю: пока я жив, пока меня приглашают на съемки и приглашают в театры играть, пока я обеспечиваю...

— **Но больше вы мучаете себя — такое впечатление...**

— Если буду говорить: такой мученик, кто-то скажет: если ты мученик, зачем так делаешь? Многие говорят, честнее так: развелся с одной — пошел к другой. Честнее? Вряд ли это идеальное решение. У меня перед глазами пример моего отца: он, уходя к другой женщине, детей брал с собой. Не разговаривал он по этому поводу. Он знал, что прокормит. А баба одна не прокормит.

— **Три сына. Вы счастливый человек?**

— Конечно, счастливый. Ну а как? Жаловаться грех — вот у меня икона... Но что значит счастлив? Когда я говорю, что счастлив, — это и самооборона, я себя убеждаю в этом...

— **Часто обращаетесь к Богу?**

— Конечно, утро начинается с молитвы и день заканчивается... Грешник? Ну да. Но я за свои грехи отвечаю, не беспокоюсь. Даже Денис, который священник, моих грехов не отмолит. Только сам...

Дмитрий МЕЛЬМАН.